

*Наталія Кувишинова
(м. Київ, Україна)*

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Проведене дослідження базується на фактичних даних, отриманих різними лінгвістами, і результатах власних спостережень автора. Розглянуто ключові питання теорії запозичень з точки зору історії та основних аспектів проблеми. Розкрито зміст поняття «запозичення», охарактеризовано суміжні явища. Процес запозичення з німецької мови описаний у взаємодії низки факторів: як власне лінгвістичних, так і екстралінгвістичних, встановлена їх роль на різних етапах зазначеного процесу.

Ключові слова: *німецькі лексичні запозичення, слова-синоніми, звуження значення, розширення значення, мова-джерело, мова-реципієнт.*

Проведенное исследование базируется на фактических данных, полученных разными лингвистами, и результатах собственных наблюдений автора. Рассмотрены ключевые вопросы теории заимствований с точки зрения истории и основных аспектов проблемы. Раскрыто содержание понятия «заимствование», охарактеризованы смежные явления. Процесс заимствования из немецкого языка описан во взаимодействии ряда факторов: как собственно лингвистических, так и экстралингвистических, установлена их роль на различных этапах указанного процесса.

Ключевые слова: *немецкие лексические заимствования, слова-синонимы, сужение значения, расширение значения, язык-источник, язык-реципиент.*

The research is based on actual data obtained by different linguists, and on the results of the author's own observations. They have been reviewed the key questions of the borrowings' theory from the point of view of history and the key issues. It has been revealed the contents of the notion «borrowing», it has been characterized the related phenomena. The process of borrowing from the German language is described in the interaction of several factors: as linguistic and extralinguistic, set their role at the various stages of this process.

Key words: *German lexical borrowings, words-synonyms, narrowing of meaning, extension of meaning, language-source, language-recipient.*

На фоне расширения межнациональной и межкультурной коммуникации вопрос языкового взаимодействия занимают одно из ведущих мест среди актуальных проблем современного языкознания. Как рефлексия языковой системы на внеязыковые общественные процессы, заимствования отражают динамику и характер таких процессов. Разнообразие функций иноязычной лексики в языке-реципиенте – от заполнения языковых и материальных лакун к обогащению культуры в целом – предполагает многоаспектное изучение этого явления.

Немецкие заимствования в русском языке считаются одними из древнейших, но до сих пор в отечественном языкознании не существует отдельного комплексного исследования места и роли этой группы слов в лексической системе современного русского языка. Германизмы рассматриваются в историко-хронологических исследованиях определенных периодов процесса заимствования: XVI–XVIII ст. – И. Огиенко; XVIII ст. – О. Биржакова, Л. Войнова, Л. Кутина; XVIII–XIX вв. – В. Виноградов; начало XIX в. – Ю. Сорокин; первая половина XX ст. – Л. Крысин и др.

Частью комплексной проблемы выступают также вопросы усвоения немецких заимствований в работах,

посвященных ассимиляции иноязычной лексики в языке-реципиенте (В. Демьянов, А. Ильина, Т. Кассина, Р. Кимягарова, З. Козлова, Л. Новиков, Т. Полякова и др.) Несколько активнее изучаются немецкие заимствования украинскими лингвистами (А. Лысенко, В. Скачкова, И. Шаровольский).

Цель написания статьи заключается в выяснении характерных черт процесса заимствования из немецкого языка и в выявлении общих тенденций фонетической, морфологической и семантической адаптации лексем немецкого происхождения в системе современного русского языка.

Синонимия – одно из ярких проявлений системных отношений в лексике. В синонимические связи вступают обычно слова, сходные по возникающим ассоциациям и близости обозначаемых понятий. Лексические синонимы, как известно, представляют собой близкие или тождественные по значению слова, которые по-разному называют одно и то же понятие и образуют синонимические ряды (два и более слова). В зависимости от семантических и функционально-стилистических различий выделяются следующие типы синонимов: 1) идеографические, или семантические (они отличаются оттенками значения); 2) стилистические (слова различаются стилистической принадлежностью или стилистической окраской); 3) семантико-стилистические; 4) абсолютные, или лексические дублеты [2; 3]. Роль синонимов в языке очень велика, так как они позволяют избежать тавтологии, точнее передать мысли и выразить многообразие смысловых оттенков, стилистически дифференцировать употребление тех или иных понятий.

Исследование синонимии как языкового явления началось очень давно. Еще древние греки, изучая синонимы, пришли к выводу, что в них заключается богатство языка:

«изобилие мыслей в словах» и разнообразие выражений. Римские ученые осознали не только сходство слов-синонимов, но и различие между ними. К примеру, Квинтилиан писал: «Но так как у различных вещей названия различны – или более точные, или более красивые, или более выразительные, или лучше звучащие, – то все они должны быть не только известны, но и наготове и, так сказать, на виду, чтобы, когда они понадобятся говорящему, можно было легко отобрать из них наилучшие [7, с. 124]».

В XVII в. в России появился первый научный труд, в котором в какой-то степени затрагивалась проблема синонимов, – «Лексикон славенороссийский и имен толкование» (1627), составленный П. Берындой. Серьезного научного значения данный «Лексикон» не имел, но он стал первой попыткой изучения русской синонимии. В XVIII в. русские филологи предприняли ряд попыток теоретической и практической разработки проблемы синонимов, что сказалось на появлении целого ряда теоретических статей, заметок, перечней отдельных синонимических рядов, а также изданиях словарей. Так вышел «Опыт Российского сословника» Д. Фонвизина, который представлял собой сатирико-публицистическое произведение и содержал 32 синонимических ряда, включающие около 110 слов.

В XIX в. научный интерес к проблемам синонимов значительно активизировался. А. Шишков в «Рассуждении о красноречии священного писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно» (1811) затрагивал вопросы стилистической дифференциации слов-синонимов, рассматривая различия слов исконно русских и старославянских. П. Калайдович издал первый «Опыт словаря русских синонимов» (1818), который состоял из 77 словарных статей, расположенных не в алфавитном порядке.

Единого принципа в толковании синонимов автор не придерживался, поэтому общее объяснение значений слов, входящих в одну словарную статью, давалось в словаре редко и в основном определялись только различия между словами-синонимами, значение которых примерами не подтверждалось. Большой интерес представляет предисловие к словарю, где, касаясь вопроса о происхождении синонимов, автор пытался доказать, что они не являются однозначными словами: «Понятия о вещах выражаются словами, но ежели каждую вещь можно рассматривать со всех сторон, в отношении и связи ее с другими вещами, то и понятия о ней могут иметь разные образы выражения, а выражения сии разные степени знаменования, так же как один цвет может иметь многообразные оттенки. Синонимы, заключая в себе общее знаменование, имеют частное, которое отличает их от прочих слов соименных [4, с. 14–15]».

«Словарь русских синонимов, или сословов» (1840), изданный под редакцией А. Галича, содержал описание 226 синонимических рядов. Слова, начинающие синонимический ряд, были расположены в нем по алфавиту. Синонимическая словарная статья начиналась перечислением слов, которые автор считал синонимами (например, азбука – букварь – абевега; арест – заключение; актер – комедиант – действитель). Далее следовало определение значения слова по «Словарю Академии Российской», а затем уже было дано объяснение частного значения каждого слова. В словаре А. Галича значение слов было не только объяснено, но и проиллюстрировано примерами из произведений М. Ломоносова, Н. Карамзина, из «Журнала Министерства народного просвещения». Ценность этой работы сводится в основном к упорядочению и систематизации синонимов. Интерес представляет также статья И. Давыдова «О словаре русских синонимов» (1856),

где он разделил слова на два разряда: на те, которые выражают мир физический, или видимый, и те, которые выражают мир духовный, или внутренний. Статья ученого была интересна не только проникновением в сущность синонимии, ценными наблюдениями в области синонимии конкретных и абстрактных существительных, но и попыткой критического подхода к работам своих современников в данной области.

Таким образом, ко второй половине XIX в. в области синонимии был сделан целый ряд верных и интересных наблюдений: синонимы определялись как слова, близкие, но не тождественные по значению; было установлено, что синонимы являются показателем развитости языка, его богатства, гибкости, служат для разнообразия выражения мысли; было отмечено также, что слова-синонимы различаются стилистически, степенью признака и способностью сочетаться с тем или иным кругом слов.

Синонимы возникают в языке постоянно, что обусловлено рядом причин, основной из которых является стремление человека найти в уже известных предметах, явлениях окружающего мира какие-то новые черты, углубить и расширить существующие понятия. Нередко возникновение синонимов обусловлено проникновением и освоением заимствованных слов, в частности немецких, близких или тождественных по значению русским (например, распорядитель, хозяин (рус.) – егермейстер (нем.), дело (рус.) – гешефт (нем.). Наблюдалось и обратное явление, когда предмет, названный поначалу заимствованным словом, затем получал синонимичное русское наименование, к примеру: абрис (нем.) – чертёж (рус.), grosfater (нем.) – дедушка (рус.).

Рассмотрим подробнее факты пополнения синонимических рядов русского языка XVII–XVIII вв. немецкими лексическими заимствованиями.

АВТОРИТЕТ (нем. *Autorität* передает лат. *auctoritas* «власть, сила, влияние»). Слово заимствовано в Петровскую эпоху через посредство польского языка в следующих значениях (1. Общеизвестное значение, влияние, общее уважение. 2. Лицо, пользующееся влиянием, признанием [6, с. 17]): «общеизвестное значение, влияние, общее уважение [1]». В разных своих значениях (в первом значении в 1-й и 2-й синонимический ряд, а во втором значении в 3-й и 4-й синонимический ряд) данное слово вошло в различные синонимические ряды русских слов: 1) **достоинство** – вес, важность, значение, сила, **авторитет**, компетентность, престиж, величие, величавость, высота, благородство, заслуга, ценность, стоимость, добротность; превосходство, преобладание, преимущество, предпочтение, козырь, первенство, самоуверенность, амбиция, апломб [1, с. 115]; 2) **значение** – смысл, разум; вес, важность, **авторитет**, достоинство, сила, ценность [1, с. 149]; 3) **знарок** – **авторитет**, дока, мастер, специалист; профессор, эксперт (лицо авторитетное, компетентное, сведущее в чем); артист, виртуоз, маэстро, искусник; знайка, всезнайка, мастак [1, с. 148]; 4) **ученый** – служитель науки (филолог, естествоиспытатель, математик, лингвист, ориенталист, химик и проч.); грамотей, профессор, доктор, магистр; **авторитет** (ирон.) гелертер [1, с. 451]. Таким образом, синонимами к слову авторитет стали слова достоинство (вес, сила), значение, знарок, учёный (например, Он большой ученый, один из первых **авторитетов** в нашей науке).

АДВОКАТ (нем. *Advokat* передает лат. *advocatus*, субстантивированное причастие от глагола *advocare* «защищать, помогать словом»; исходное слово *vox, vocis* «голос, речь»). Слово заимствовано в Петровскую эпоху непосредственно из немецкого языка в значении «юрист, к которому поручается оказание юридической помощи гражданам и организациям, в том числе защита чьих-н. интересов в суде,

защитник» [1] и вошло в синонимический ряд слова **защитник** – заступник, печальник, поборник, покровитель; **адвокат**, апологет. Затем у слова адвокат появились синонимы стряпчий, защитник, присяжный, поверенный, ходатай; юрист, законовед, правовед; аблакат, дровокат (шутл.) [1, с. 2]. В данном случае в одном синонимическом ряду оказались общеупотребительные защитник, юрист, правовед и ограниченные по сфере распространения стряпчий, поверенный.

АФФЕКТ (нем. Affekt из лат. affectus «страсть»). Слово вошло в русский язык в Петровскую эпоху через посредство польского языка (afekt) в значении «возбужденное состояние, душевное волнение» [1] и пополнило синонимические ряды слов: 1) **возбуждение** – побуждение, подбивание, подговаривание, подзадоривание, подстрекательство, наущение, агитация; импульс, стимул, толчок, **аффект** [1, с. 58]; 2) **горячность** – жар, огонь, пыл, пылкость; воодушевление, прыть, брио, ажитация, азарт, **аффект**, волнение, страсть, пафос, эмоция, экстаз, энтузиазм; вспыльчивость, исступление, остервенение, ревность, увлечение, упоение, ярость; припадок, пароксизм [1, с. 92]. В данных синонимических рядах находятся общеупотребительные и ограниченные по сфере распространения слова. Следовательно, синонимами немецкого слова аффект стали русские лексемы возбуждение, горячность.

БАНКЕТ (нем. Bankett передает итал. banchetto «скамейка» (вокруг стола), уменьшит.-ласкат. от banco «скамья»). Слово было заимствовано в XVII в. в значении «торжественный званый обед или ужин» [1] и вошло в синонимические ряды русских слов: 1) **бал** – вечер, раут, **банкет** [1, с. 8]; 2) **пир** – пиршество, пирушка, вечеринка, выпивка, гулянка (погулянки), кутеж, попойка, пьянство, торжество, **банкет**; угощение, бражничанье, празднество,

вакханалия; обед, ужин [1, с. 291]. Синонимами немецкого слова банкет стали русские слова бал, пир.

Интересны синонимические ряды омонимов бунт¹ и бунт².

БУНТ¹ (нем. Bund «союз» через польск. bunt; переход знач. из польск. urzādzić bunt (wzbuntować się) przeciw komu «составить против к.-л. заговор», нем. (стар.) einen Bund machen wider «объединиться для совместных действий против к.-л.»). Слово было заимствовано русским языком в XVII в. в значении «мятеж, восстание, возмущение» [1] и вошло в синонимический ряд слова **мятеж** – беспорядки, **бунт**, возмущение, восстание, волнение, повстание, смятение, смута; заговор, крамола [1, с. 208] (к примеру, Внутри господствовали буйство, возмущение, **бунт**, усобица, безвластье, безначалье).

БУНТ² (нем. Bund через польск. bunt или непосредственно из нем.). Было заимствовано русским языком в XVIII в. в значении «кладка; мешки с мукой и проч.» [1] и пополнило синонимический ряд слова **связка** – пачка, пук (пучок), букет, сноп, свясло, вязанка, вязка, **бунт**, кипа, вьюк, тюк, кисть, моток, узел (узелок), место [1, с. 383] (например, Связка товаров, ключей. Пучок зелени. **Бунт** струн. Вязанка (беремя, охапка, поленница) дров. Вязка прутьев. Кипа бумаги). В синонимическом ряду использованы общеупотребительные пачка, пучок, букет, кипа и ограниченные по сфере распространения сноп, вязанка, вязка, а также диалектные пук, свясло, вьюк.

В русском языке существуют синонимические ряды, состоящие только из двух слов – исконно русского и заимствованного. Вероятно, первоначально русское слово служило семантическим ориентиром для заимствованного слова, позже такие отношения оформились в синонимические. Например: **лозунг** – призыв [5, с. 170], **шрифт** – печать [5, с. 471], **штандарт** – знамя [5, с. 489],

панцирь – броня [5, с. 278], **фартук** – передник [5, с. 471] и др. В таких случаях значимость заимствованного слова в стилистическом плане становится ощутимой, поскольку оно является единственным синонимом к исконному слову.

В ходе исследования синонимических рядов, включающих немецкие заимствования, было установлено, что с исконно русской лексикой чаще в синонимические отношения вступают многозначные лексемы немецкого происхождения. В этих отношениях более активными становятся не те их значения, в которых данные лексемы пришли в русский язык, а вторичные, часто переносные, приобретённые уже на русской почве. Так, например: **ландшафт** – вид, пейзаж, панорама, перспектива [5, с. 466], **масштаб** – размер, объём, охват, диапазон, размах, широта [5, с. 176], **шаблон** – трафарет, штамп, клише, общее место, прописная истина, избитое выражение; рутина, стандарт, консерватизм [5, с. 486] и т. п.

В конце XVII в. – первой половине XVIII в., т. е. в один из периодов активного потока иноязычной лексики в русский язык, возникли дублетные отношения, которые стали источником высокой словарной избыточности. При семантической дублетности лексических единиц наиболее ярко выраженной является тенденция к дифференциации словаря по смысловому, стилистическому и функциональному признакам. Примером такой дифференциации может служить слово **маляр**.

МАЛЯР (нем. *Maler* «художник» – суф. производное от *malen* «рисовать»). Заимствовано в Петровскую эпоху через польский язык. Данная лексема сначала вошла в русский язык в более широком значении и объединило названия различных профессий (художник, ремесленник, мастеровой, живописец, иконописец и т. д.), – такой объём значений сохраняет немецкая лексема и в настоящее время. Данной лексеме в словаре отводится определённая

функциональная сфера: «Рабочий, занимающийся окраской зданий, помещений [5, с. 411]».

Таким образом, немецкие лексические заимствования, входя в русский язык, способствовали не только пополнению его словарного состава, но и расширению синонимических рядов многих русских слов. Как правило, немецкие лексемы, чаще всего многозначные, становились способом семантической дифференциации существенных для русского языка понятий.

Немецкие заимствования занимают в системе современного русского языка особое место: несмотря на их значительное количество, только 25 з них входит в активный словарь. В фонетическом усвоении немецких заимствований ведущую роль играет язык-реципиент: немецкие фонемы-прототипы теряют присущие им в языке-источнике артикуляционно-акустические и фонологические признаки, приобретая при этом соответствующих характеристик русского языка. В морфологическом аспекте немецкие заимствования подчиняются формально-грамматической парадигме языка-реципиента, полностью теряя морфологические характеристики, присущие их прототипам в языке-источнике. В семантическом аспекте в большинстве немецких заимствований наблюдается сохранения смысловой структуры их иноязычных прототипов, что обусловлено предметностью, узкой специализацией и терминологии лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Абрамов Н. // Около 5000 синонимических рядов. Более 20000 синонимов. – [7-е изд., стереотип.]. – М. : Русские словари, 1999. – 476 с.
2. Быховец Н.Н. Языковые ситуации и взаимодействие языков / Н.Н. Быховец, А.Н. Гаркавец, И.Т. Дерканбаева

Теоретична і дидактична філологія. Випуск 17, 2014.

- и др. // АН УССР, Ин-т языковедения. – К. : Наукова думка, 1989. – 204 с.
3. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика / Звегинцев В.А. – М. : Просвещение, 1968. – 338 с.
 4. Караулов Ю.Н. Языковое время и языковое пространство (о понятии хроноглассы) / Ю.Н. Караулов // Вестн. МГУ. Филология. – 1970. – № 1. – С. 63.
 5. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов / Комлев Н. Г. – М. : Эксмо, 2001. – 672 с.
 6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Аз, 2007. – 944 с.
 7. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Реформатский А.А. – М. : Просвещение, 1996. – 536 с.
 8. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Langenscheidt KG. – Berlin und München : 2008. – 1312 s.

*Стаття рекомендована до друку
канд. філол. наук, доцентом кафедри
іноземної філософії і методики навчання
ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет
імені Григорія Сковороди»
Летючою Л.П.*

Стаття надійшла до редакції 17 січня 2014 року